

ПОКОЛЕНИЕ ОБЛУПЛЕННОЙ КРАСКИ

ИНГА МИЛЕЦКАЯ

Инга Милецкая

Поколение облупленной краски

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73504693

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед вами роман, в котором оживают судьбы простых провинциалов, прошедших сквозь суровые годы советской эпохи и изменчивые девяностые до начала 2000-х. Главная героиня, Татьяна, – собирательный образ, воплощающий множество судеб, которые, несмотря на лишения, строили свою жизнь заново. Её детство прошло в тени серых панельных домов, её родители работали на вредном производстве, а сама она, не имея культурных привилегий, сумела выстоять, пройти через кризис и создать свой малый бизнес. Эта книга – о силе, о выживании, о любви к семье, несмотря ни на что.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Инга Милецкая

Поколение облупленной краски

Глава

Глава 1. ТАТЬЯНА

Жизнь изменилась после 9 марта 1985 года. Как странный сон, вдруг приснившийся и никак не проходящий, хотя наступило утро... Хотелось отмахнуться от него, но нет, он продолжался, заставляя жить в нем, в этом кошмаре, еще больше суется и бессмысленно скакать вокруг постоянно орущего младенца, совершая повторяющиеся действия... Стирка пеленок, глажка с двух сторон, сложить стопочкой, подать соску, прокипятить бутылочку...

Нет, Таня любила его, младшего новорожденного брата Алешу, Лесика, как будет звать его мама до конца дней. Но Лесик стал неожиданностью не только для нее, 13-ти летней Тани, но и для всей семьи. Еще тогда, Танька решила для себя, что своих детей она не хочет, никогда и никаких...

В тот год, не изменяя правилам, ее отправили в заводской пионерский лагерь на две смены. Для родителей это была

единственная возможность устроить дочери достойные каникулы, да еще и под присмотром вожатых. Химический завод, на котором трудились оба родителя, имел в своем ведомстве пионерский лагерь, городской профилакторий на 200 коек и санаторий в Крыму. Но понежиться на Крымском побережье удаивались работники не ниже среднего звена (и то, в непопулярные времена года, летом же, санаторий использовался исключительно для сдачи номеров отдыхающим, причем за немалые деньги). Родители Тани были рядовыми цеховыми работниками, стояли на конвейере, на одном из самых вредных производств известного на весь союз секретного завода, относящегося к оборонной промышленности. Поэтому им доставались лишь почти бесплатные путевки в пионерлагерь, ну и раз в год 14 дней можно было посещать процедуры в местном профилактории, находящимся недалеко от проходной завода. Хотя, поправить здоровье, ежедневно подрывающееся на вредном производстве, кислородными коктейлями и лежанием в хвойной ванне вряд ли возможно, но «забота о здоровье и досуге работников предприятия» в те советские времена была «первостепенной задачей», и для отчетности их направляли в профилакторий и устраивали раз в три месяца медосмотры.

Глава 2. ЛАГЕРЬ

Две смены в пионерском лагере, тянулись однообразно. Утром подъем под противный звук горна, зарядка, завтрак. Кормили, кстати, вкусно. Завод не жалел для детей своих

работников средств, лагерь считался одним из самых лучших в области. Корпуса регулярно обновлялись, форточки и двери открывались без скрипа, постельные принадлежности без дырок, газоны пестрели мелкими цветочками, бордюры окрашены белой известью, а памятники Ленину на главной площади и бюст Ворошилова у ворот – серебрянкой, которая и производилась на том же заводе.

И в лагере был воздух чище, чем в городе, желтый газ от заводских труб не доходил до этой зоны, оседая рыжей нанно пылью на дачных участках горожан. Разросшиеся вдоль основного лагерного проспекта липы, старые и могучие, добавляли в жаркий воздух аромат своего цвета, под ними на лавочках приятно было посидеть с подружками.

Новых друзей у Тани не было, старая команда почти полным составом переходила из одного возрастного отряда в другой. В их небольшом городке Ворошиловске было несколько школ, многие знали друг друга и почти все же приезжали в лагерь.

Днем дети бессмысленно шлѐлись по территории, программа лагерных немногочисленных кружков была исполнена давным давно. Петь патриотические пионерские песни хором их, как детей из старших отрядов, уже не заставляли, как и участвовать в художественной самодеятельности. Лагерные вожатые вынужденную программу отрабатывали на младших отрядах.

Было скучно, купаться в местной речушке водили строем,

спортивные мероприятия и кружки посещать не было никакого желания. В позапрошлом году Танька подстрекла девчонок на хулиганство – глубокой ночью пробраться в палату к мальчишкам и намазать им лица зубной пастой. Но это только в кино все проходит удачно, у них же проблемы начались с того, что никто не хотел отдавать свою пасту, в то время все было в дефиците, а закончилось тем, что, решившись все таки, трое девчонок столкнулись в 2 часа ночи в общем коридоре с старшим вожатым Владимиром, выходявшим в черных семейных трусах из женской вожатской. Увидев их, крадущихся вдоль стены, шум поднимать не стал, оттащил первую в сторону и прошипел: «Если через минуту вы не окажетесь в своих койках завтра все с чемоданами вон из лагеря». На этом хулиганские действия закончились.

Этап рассказывание ночных страшилок и гаданий пройден очень давно, темы откуда берутся дети и приближающийся период полового созревания у девушек пройдены не так давно, но обсуждались и по сей день, обрстая новыми, добытыми сведениями. Многие девочки уже стали девушками и Танька тоже, в первую лагерную неделю, утром на простыне обнаружила свою принадлежность к группе повзрослевших подруг. И даже ругательства кастаньяши по поводу испорченной простыни и матраса, не испортило ей настроения.

Книги не читались, хотя имелась в лагере библиотека с набором классической литературы по школьной программе.

Время убивалось сидением на лавочке и обсуждением жизни знакомых, разбором поведения подруг, рисованием друг другу на предплечье цветочков и имен шариковой ручкой или раскрашиванием ногтей. У Тани в отряде была одна подруга, она же и одноклассница Маша, с обидным прозвищем «Косая». Она и на самом деле имела проблему с глазом, из-за вечно пьяного отца, который давным давно, скинул 5-ти летнюю Машу с второго этажа их двухкомнатной хрущевки. Машка, как и Таня, выглядела старше своего биологического возраста. Высокая блондинка, правда очень худая и немного несуразная, абсолютно без намека на талию, с голубыми бездонными глазами, но с дефективным правым, смотрящим куда-то вниз и в сторону. Девочкам поскорее хотелось повзрослеть, хотя Танька, на самом деле всегда имела какое-то недетское лицо с маленькими глазками бутылочного зеленого цвета, глубокими носогубными складками и крупным картофелеобразным носом доставшимися ей набором от отца, молчаливого и спокойного мужчины с мордовским корнями.

Даже в детстве, никто не восхищался ею, не умилялся и не теребил за щечки, обращаясь к родителям: «Какая милая девчушка». Фигура же досталась Тане от мамы, еще с прошлого года она вдруг резко вытянулась и округлилась, появилась грудь, образовалась талия, движения перестали быть резкими, появилась плавность в походке.

Развлекались девчонки вечером, готовясь к выходу «в

свет» – на местную дискотеку. Поплевав в остатки туши, нарисовав ресницы по типу «паучьи лапки», приступали к тщательному скрыванию неровностей кожи, сопровождающих пубертат. Проще говоря – замазывали густым слоем убойного крема «Балет» подростковые прыщи. Завершался процесс подготовки нанесением перламутровой помады, странно пахнущей смесью ацетона и гречки. И помада, и крем и тушь были Машкины.

Глава 3. МАШКА

К тому времени, ее мама, медсестра местной больницы, с обнадеживающим именем Надежда, выгнав наконец-то мужа алкаша, вела свободный образ жизни. В их доме иногда появлялись мужчины, оставались ночевать. Или мама уезжала куда-то, оставляя дочь одну. Но Машка была не против, у мамы появилась красивая и модная (по меркам городка) одежда, югославские сапоги, норковая шапка, ковер на стене и продукты в холодильнике. Иногда мама приносила бананы, с синенькими овальными этикетками, которые тут же наклеивались на школьные тетради.

Маше доставались пустые бутылки от «Пепси-Колы» (необычайная редкость в Ворошиловске), когда она убирала остатки вчерашнего застолья маминых друзей. Пару раз она пробовала необычный напиток сама, но мама не разрешала ей заходить на кухню, когда к ней приходили гости.

В пустые бутылки Маша наливала воду, затемненную до

цвета кофе гуашью, пластилином приклеивалась родная металлическая крышка и а-ля «Пепси-Кола» выставлялась на ее девчачьем подоконнике рядом с горшками с геранью, на обозрение, как бы невзначай намекая на достаток и принадлежность ее к другой касте. Лишь нужно было не забывать встряхивать иногда гуашевую коричневую воду, пигмент в которой предательски оседал на дно густым коричневым комком. Маша подумывала заменить состав псевдо колы, но пока не доходили руки.

Один раз Маша обнаружила на столе, среди пустых тарелок с обветренными закусками необычную ручку с прозрачным корпусом. Колпачок был ярко синего цвета, сама ручка иностранного производства.. Находка тут же стала гордостью и произвела в школе фурор! По предварительным подсчетам, чернил в стержне хватало бы на полгода, но через пару дней прозрачная иностранка бессовестно исчезла из Машкиного облезлого пенала во время перемены.

Тональный крем и остаток туши, используемые ими в лагере, достались Машке, когда маме подарил один новый друг необычайной красоты косметический набор с загадочным названием Пупа. Это был трехэтажный овальный ларец из бордового стеклопластика с яркими тенями, румянами, тушью в тубе, помадой и кисточками разных размеров. Роскошь невероятная!

Машка была для Таньки не прям закадычная подруга, просто никого не было ближе, они жили в одном доме и учи-

лись в одном классе. И Машка была не жадная, даже подарила ей однажды пустую бутылку от пепси колы. Танька считала Машу дурой, завидовала ей, особенно новой юбке и помаде.

Уже тогда, в Таниной голове созревали нехитрые планы, где и как можно получить то, что хочется и что есть у других. А если не получится достать, то надо сделать так, чтоб и у других тоже этого не было. От подобных мыслей у нее тянуло в животе и сводило челюсти, иногда даже мучила бессонница.

Завидовала одноклассникам, живущим хоть и в соседних, но гораздо бОльших квартирах с балконом, имеющих лучше чем у нее портфель, куртку, кофту...

Дома в городке были почти однотипные- панельные, хрущевские постройки с маленькими кухнями и проходными комнатами, именуемыми «залом». Но встречались и каменные дома, с широкими коридорами, большими кухнями и огромными балконами, построенные еще в довоенное время для проживания инженерно-технических работников.

Когда Машке было лет 8, ее отец жил с ними и работал ночным сторожем на стройке нового дома с квартирами улучшенной планировки. Машиной обязанностью было носить ему поздним вечером теплый ужин в кастрюльке, плотно завернутой в полотенце. Отец настаивал, чтобы дочь приходила затемно, вынимал кастрюльку с едой из тканевой темной сумки и накладывал туда несколько паркетных досок,

прикрывая сверху тем же полотенцем. Машка часто брала с собой и Таньку, которая сначала не понимала, зачем дядя Витя накладывает в сумку дощечки, но потом поняла, увидев в большой комнате прекрасный паркет. Проработал Виктор сторожем достаточно долго, насобирав паркетных досок для зала. Он был хоть и любителем крепко выпить и погонять жену с дочкой, но рукастым и домовитым. Сам сделал ремонт в их квартире, собрал паркет в зале из ворованных дощечек и ушел в запой, после чего мать выгнала его из дома.

Глава 4. ЛЕВЧИК

В одном из таких старых «сталинских» домов жил одноклассник девочек, Левушка. Жил он с мамой, папой и бабушкой, которая управляла всей семьей. Юлия Лазаревна, бабушка Левчика, всю жизнь прослужила секретарем у директора завода, одного из главных людей города. Говорят, он привез ее с собой еще молодой из областного центра, поселил в соседнем, но таком же элитном доме, где и сам жил с семьей. Потом Юлия родила Верочку, не выходя замуж. Но обсуждать личную жизнь секретаря директора градообразующего предприятия никто не смел.

Верочка росла в заботе и ласке, не знала отказа ни в чем. У нее были самые лучшие игрушки и одежда, вкусная еда и в школу ее иногда завозил шофер директора. Верочка, выросшая тепличным цветочком, каким-то странным образом окончив политехнический институт, была устроена в отдел

кадров завода. Всегда ходила гордая, смотрела на всех свысока, как бы давая возможность полюбоваться собой, и подруг не заводила.

Юлия Лазаревна была секретарям до самой скоропостижной смерти директора (обширный инфаркт на рабочем месте), потом вышла на пенсию и занялась воспитанием внука, Верочка к тому времени вышла замуж за Володю, высокого харизматичного молодого инженера, с выгодным хобби-ремонтom магнитофонов в свободное от работы время.

Левчик был копия своей мамы, с женскими чертами лица, щуплый и щедушный. После уроков его встречала у школы Юлия Лазаревна, как всегда в строгом старомодном жакете, светлой блузе, застегнутой под самое горло и темной юбке, и отводила внука в музыкальную школу.

Левчик играл на скрипочке, иногда выступал на школьных праздниках, как единственный скрипач в школе, в белой гипюровой рубашке с густым жабо, перешитой из бабушкиной блузки, и лаковых туфлях. Но играл он отвратительно, фальшивил, сбивался и краснел лицом. Бабушка сидела в первом ряду, любовалась внуком и аплодировала громче всех.

Левчик же очень стеснялся ее опеки, которая продолжалась вплоть до 10 класса. Он так и остался худым и щедушным, и даже в переломное лето, когда уходили на каникулы мальчишки, а через три месяца возвращались в школу рослыми парнями, он вернулся тем же утенком, заняв место на

уроке физкультуры в самом конце.

В классе девочки его обожали, он вызывал желание заботиться о себе, мальчики не обращали внимание, не связывались с ним.

Левчик был отличником, особенно легко ему давалась алгебра, он с легкостью решал задачки на контрольных, успевал решать и свой и другой вариант, отправлял листок с решением по кругу, благодаря чему оценки по контрольным работам у класса были не ниже четверок. Во всяком случае у того, кто успел списать.

Бабка Юлия Лазаревна в школе была частым гостем, почти пинком открывала дверь в учительскую, свободно заходила к директору школы, своей давней знакомой. Именно по этой причине отдала внука в эту школу, хоть и не самую лучшую в городе и от дома дальше, но со «своим» директором проще договориться всегда, да и на счет золотой медали легче будет хлопотать.

Классного руководителя окружила заботой и вниманием, приглашала в гости, сама приходила с полными пакетами, дарила подарки от себя лично и собирала средства с родителей на значимые даты.

Однажды, еще до рождения Алеши, Люба, мама Таньки все таки зашла на родительское собрание. В тот момент классного руководителя, ведущего собрание, еще не было, речь держала Юлия Лазаревна.

– Товарищи! Приближается день рождения нашей доро-

гой Веры Кузьминичны, нам нужно всем собрать деньги на хороший подарок от нашего класса, – декламировала секретарь на пенсии. – Я знаю, что у нее нет самовара, и она хочет электрический, поэтому предлагаю собрать по 8 рублей, этого хватит и на самовар и на хороший букет. – вещала она, стоя возле доски в неприменной блузке с пуговками и длинной плиссированной юбке, размахивая руками с наманикюренными пальчиками.

– А что, можно, – поддержала идею мама Максима, работающая завсекцией электронных товаров местного универмага, – к нам поступают такие, следующий завоз через неделю, самовар «Петушок», очень красивый, цена 137 рублей 40 копеек, я отложу, если что.

Остальные родители не очень обрадовались предложению, сидели, потупив взор, 8 рублей немалые деньги, но как отказать то. И тут, к всеобщему удивлению, Любу прорвало:

– А у нашей учительницы нет пианины? – крикнула она, не вставая с места, – А то давайте ей пианину купим, а че, мы ж все богатеи здесь, деньги вон сидим рисуем!

Юлия Лазаревна не ожидала такой реакции, тем более от гражданки, которую видела на собраниях пару раз всего.

– Ну что ж, – блеснув глазами ответила она, – я хотела как лучше, решайте сами конечно.

Все, кроме самой Юлии Лазаревны и завсекцией магазина, облегченно выдохнули, избавились от проблемы и были благодарны Любе, взявшей смелость так осадить вездесу-

щую бабулю.

В результате собрали по 2 рубля, подарили огромную коробку конфет за 25 рублей. Но Юлия Лазаревна запомнила Любу и при первой возможности передала учителю монолог неблагодарной мамыши, сдобрив и усилив лично придуманными фразами, выписав тем самым Таньке до конца 8 класса «волчий билет». После этого случая Вера Кузьминична, итак не замечавшая Таню, теперь же придиралась к ней по любому поводу, и чаще всего несправедливо.

Однажды Юлия Лазаревна не пришла к школе за внуком, Левчик вышел и сам направился в сторону дома, волоча тяжелый портфель. Но как то неловко споткнулся, упал, уронил портфель в лужу... Встал с трудом, было больно и обидно. Танька видела падение Левчика, сначала прыснула от смеха, потом стало его жалко.

– Давай портфель свой, доведу до дома тебя, – сказала она, подставив руку Левчику, – а че бабуля не пришла?

– У нее мигрень, – вещал Левчик откуда то из под Танькиной подмышки, он был ниже ее на две головы.

Они дошли до дома Левы, добротного, высокого, из буро-го кирпича с серым каменным цоколем. Поднялись по широкой лестнице с затейливыми перилами и позвонили в двустворчатую дверь.

Бабуля встретила их в черном китайском халате с красно-желтым драконом на спине и яичной маске на лице. Признаки мигрени выдавало повязанное на лбу полотенце. Для

Таньки потом всю жизнь китайские халаты будут считаться одним из элементов роскошной жизни. Она заметила, что несмотря на свой возраст, (а Юлия Лазаревна в следующем году планировала отпраздновать 60-ти летний юбилей), бабушка выглядела лучше, чем ее 34 летняя мама, вечно уставшая и ворчавшая на отца.

– Проходите, дети, – сказала она, открыв дверь и беря из рук Тани Левин портфель.

– Как тебя зовут, девочка?, – спросила она.

– Таня, Татьяна Голованова, мы с Левчиком в одном классе же учимся, – ответила она, стараясь снять грязные ботинки ближе к входу.

– А-а-а-а, – задумчиво затанула бабуля, – «Голованова-пианино», – и приветливая улыбка сменилась в слегка презрительное и немного жалостливое выражение лица, ощущаемое даже через толстый слой яичной маски.

Танька не обратила внимание на эту случайную странность, при чем тут пианино ?

– Пойдем ко мне, – сказал Левчик и двинулся в сторону открытой светлой комнаты, скользя по красивому линолеуму, напоминавшему рисунком сборный в квадратные блоки паркет. Кстати, таким же линолеумом был выстлан кабинет директора и секретарская, времен работы там Юлии Лазаревны.

Тане же захотелось побыть еще в прихожей, на стенах которой были обои – мечта ее мамы, «под кирпич». Однажды,

в каком-то фильме мать увидела коридор «в кирпич». Это было богато и необычно, и самое главное – невероятно модно. И с тех пор Люба мечтала о таких обоях, хотя вживую их никогда не видела, но мысленно примеряла к своей крошечной прихожей.

У Левчика же прихожая, по размеру, была почти как комната в Таниной квартире, потолок был высокий и без всяких антресолей, хранивших банки, лыжи и инструменты отца. На стенах висел не календарь за этот год, как у них дома, а большая картина с березами в ажурной раме.

Комната Левчика показалось тоже огромной, видимо из-за тех же потолков с лепниной по периметру. Письменный стол, большая кровать с плюшевым покрывалом, шкаф – все было гармонично и аккуратно. Тяжелые темно-зеленые шторы по краям большого окна, выходившего на главную улицу города и мягкий тюль в мелкий цветочек делали комнату невообразимо уютной. Внутри Таньки постепенно из искорки, вспыхнувшей от кирпичных обоев, уже начал разгораться пожар. Начало сводить челюсти, и скрипнув зубами она отвернулась к окну, посмотреть на хотя бы ту же знакомую улицу, с одинаковой пылью и серостью для всех.

«Почему, почему у МЕНЯ нет такой комнаты, а у этого хлюпика есть, – думала она, – это несправедливо, мне тоже нужна такая комната, и квартира такая, и балкон тоже!!! И чтоб если балкон, то не с банками и тазами, а цветами в горшках и креслом!»

– А хочешь, покажу тебе что-то, – спросил Левчик и не дожидаясь ответа потянул Таню в комнату родителей, как маленьких тягач тащит за собой груженую баржу. Там тоже было невиданное чудо, во всяком случае для Таньки.

В комнате стояла большая родительская кровать, высокое изголовье «под кожу» возвышалось над подушками, а по бокам его обрамляли полки, где кое-где стояли книги, безделушки и флаконы с духами. Там же, возле окна, был стол отца, молодого инженера и мастера на все руки. В последнее же время, руки мастера были заняты ремонтом российских магнитофонов, чьи останки покоились на столе. Один магнитофон, новый блестящий с двумя отсеками под кассеты, стоял отдельно на небольшом столике.

– Смотри, Голованова, вот пассик, он часто рвется в магнитофонах и отец ремонтирует их, – гордо сказал Левчик и показал на тоненькую резинку.

– Там еще много разных деталей, папа их трогать не позволяет. И названия я забыл. А это вот, японские кассеты, видела? – он протянул новую запечатанную в прозрачную пленку японскую кассету с ярко-синими иностранными надписями.

– Эти самые лучшие, мой папа знает.

Танька была в полуобморочном состоянии: «Сволочи, гады, ворье» – ее как будто били хлыстом, и она, уворачиваясь от ударов, твердила про себя, повторяя слова ее отца, которыми он называл начальников на заводе, – и магнитофон и

кровать вон какая и все у них есть и куча кассет разных...».

Она выскочила из комнаты, попала в гостиную, где бабушка наливала чай в чашки с блюдцами и раскладывала кусочки яблочной шарлотки на красивые тарелки с золотой каймой. Гостиная была похожа на музей, хотя Танька была в музее один раз, и то в краеведческом, когда они на автобусе ездили в областной центр всем классом.

Эта была самая большая комната в квартире, посередине размещался круглый полированный стол, накрытый к чаю ажурной скатертью. На полу, (а не на стене, как у всех!) был очень мягкий ковер необычной овальной формы. Вдоль одной стены стояла Румынская мебельная «стенка» (тоже заветная мечта матери) с двумя сервантами с хрустальными бокалами внутри, большую же часть занимали открытые полки с книгами.

– Зачем вам столько книжек? – спросила она Левчика, прихлебывая чай.

– Ну мама читает, бабуля тоже, и я люблю, – отвечал Левчик, – вот сейчас как раз «Граф Монте-Кристо» читаю.

– Это про богатых и про любовь? – спросила Танька, запихивая в рот второй кусок шарлотки, необычно вкусный, он таял во рту и даже в немного успокаивал своим ванильным ароматом. Да еще и чай из чашки был почему-то вкуснее, чем дома, где вечно коричневый внутри бокал с вишенками на тусклом боку, был только у нее, мать с отцом пили чай из эмалированных кружек.

– Да не-е-е, ты че, это про силу духа, про месть, – ответил Левчик, ковыряя вилкой кусок пирога.

– Ааа, про месть это хорошо, – ответила Таня, наевшись.

Пока они пили чай, бабушка уходила к себе в комнату, оставив дверь приоткрытой.

– Танечка, ты можешь взять что-то почитать у нас, если хочешь конечно, – предложила она.

– Нее, не надо, не люблю я, – ответила Таня и направилась к выходу, но резко остановилась, поняв, что бабка уходила не на кухню.

– А сколько у вас комнат то тут?

– Ну моя, мамина с папой и бабулина спальня, ну и вот гостиная, мы тут часто собираемся, – ответил Левчик, – хочешь включу новый телевизор, он цветной, «Рекорд» называется.

– Нет, мне домой надо, – схватив портфель Таня быстро надевала свои грязные ботинки.

«Хватит, ну хватит уже, надоели буржуи недорезанные», шептала она и бежала вниз по ступенькам, даже не вспомнив, что не поблагодарила за чай бабушку и не попрощалась.

Почему то хотелось растоптать, навредить им, испортить их образцовую огромную квартиру, сорвать эти красивые шторы, разбить тарелку, испачкать ковер, поцарапать обои. Она долго не могла успокоиться, пожар то разгорелся, то затихал, оставляя тлеть угольки, постепенно выжигавшие ненавистью весь ее молодой разум. И почему даже подъезд в

этом доме был чистый, и краска на стенах не облупилась, и не воняло котами и дешевыми сигаретами. Таня достала из портфеля ключ от квартиры и с удовольствием процарапала на стене сначала крестик, потом еще и слово «козлы».

До дома шла долго, даже посидела на лавочке возле подъезда, закрыв ладонями лицо. Из соседнего окна доносились привычные звуки брани, звон разбившейся посуды. Из подвала дома тянуло сыростью и тухлятиной, входная дверь скрипела и еле открывалась, краска на стенах местами потрескалась, обнажив предыдущий слой, потолки же украшали черные закопченные круги с прилипшими спичками. После Левкиной квартиры домой заходить не хотелось...

Своей комнаты у Тани не было, уроки она делала за старым столом в проходной комнате, на котором мать, разложив старое байковое одеяло и отодвинув ее учебники, гладила белье. Спала Таня всегда на раскладном диване, под журчание и вздрагивания старого холодильника, стоявшего в прихожей.

Глава 5. ЛЮБА И НИКОЛАЙ

В тот год, остаток лета после лагеря Таня провела дома, лежа на диване или сидя на лавочке возле дома с той же Машкой. Иногда ходили в видеосалон. В наспех окрашенном небольшом помещении стояли простые жесткие стулья в пять рядов, напротив на тумбочке разместили цветной телевизор с видеомagnитофоном. Выбор фильмов был ограни-

чен, или боевики, или фильмы ужасов. Девчонкам нравился фильм «Кошмар на улице Вязов», после просмотра которого их жизнь казалось чуть ли не райской! Вечерами ходили в сторону Дворца Культуры имени Ворошилова, гуляли по площади, сидели на лавочке в сквере.

Перемены в мамином поведении стали заметны после ноябрьских праздников. После работы она стала чаще лежать, вместо того, чтобы накрывать на стол или гладить белье. Лицо немного припухло, появились мешки под глазами. Иногда мать отказывалась от еды, уходила в уборную, прикрыв рот фартуком. Отец особо не переживал, вяло реагировал на недомогания жена, но пару раз предложил воды.

Родители уходили на работу первыми, оставив горячим чайник на плите и бутерброд с сыром или колбасой. Гурманов в семье Головановых не было. Стол был не разнообразен, на ужин макароны или жареная картошка, котлеты, иногда гуляш или курица. В выходные мама всегда варила щи в огромной 5 литровой кастрюле с шматом мяса и хорошей костью. Это был обед для Таньки, иногда щами и ужинали.

Ее мама, Люба, была родом из поселка, который находился в 10 км от городка. Окончив восьмилетку, выучилась в местном ПТУ, после которого прямая дорога на завод. Осталась в общежитие с тремя такими же девчонками, возвращаться в поселок не захотела. Все таки город, вода из крана и туалет теплый. Через два года приехала младшая сестра Нюра, поселилась в соседней комнате. Общежитие было

хорошее, новое. Все вместе шли на проходную завода, в выходные в Дом Культуры, записались с Нюрой в хор, пели народные песни. Иногда ездили к родителям в поселок, помочь в огороде, заготовки на зиму сделать, картошку выкопать.

Через год шустрая Нюра вышла замуж за Толю Жданкина, водителя бортового грузовичка «ГАЗ 53», веселого коренастого паренька с белесыми ресницами и вечно красным лицом, и уже через полгода родила дочку Наташу, а потом и Витю. Жить стали у родителей Анатолия в частном доме, опять копали огород, разводили курей, растили детей.

Толя подрабатывал на грузовике, «шабашил» как говорится, деньги в доме водились, Нюра откладывала в шкатулку, копила на поездку на море.

Люба тоже на заводе встретила Колю, не избалованного и тихого деревенского парня, старше ее на пару лет. Никаких ухаживаний не было по сути, так, улыбались друг другу в цеху, потом пару раз на танцах встретились, потанцевали как умели, проводил до дверей общежития, пообжимались на входе, даже неумело целовались и на другой день после смены Коля несмело подошел к Любе:

– Люб, ну ты это, давай уже жениться что ли, как там надо то, – сказал Николай, краснея и постоянно вытирая кончик носа.

– А че, давай, нам комнату отдельную дадут, я знаю. Вон Катьке дали, живет теперь с мужем отдельно, ковер купили, – бодро отозвалась Люба.

Подали заявление, съездили на ГАЗоне с Толей к Николаю в деревню, затарились мясом и картохой. Познакомились с родителями Головановыми, которым рослая кареглазая Люба понравилась. Ей постелили в комнатухе за занавеской, Коля с Толяном отправились ночевать на сеновал, прихватив со стола початую бутылку самогона и пару соленых огурцов.

В Ворошиловске сыграли свадьбу, не Комсомольскую громкую, но гости были, была и гармонь и драка, все как положено. Ночевать молодых оставили в комнате Любы, две соседки разошлись на ночь по подругам.

Родители Любы на свадьбу приехали, подарили молодым деньги на ковер (по спекулятивным ценам, но чтоб сразу купить, не ждать очереди), непременный атрибут молодой современной жизни. Нюра затаила обиду на мать – им то подарили радиоприемник, неравные подарки, если считать по деньгам.

Комнату молодоженам дали быстро, в семейном общежитии, пропахшем тушеной капустой и туалетом. В своей девятиметровой комнатке пока спали на матрасе, но был ковер на стене, согревал и душу, и тело. Встали в очередь на холодильник и диван. Коля сколотил сам стол, пару табуреток. Семейная жизнь была как у всех, потихоньку обрастали добром, благо зарплата была хорошая у обоих, правда купить на нее было нечего, а «доставать» дефицит они еще не умели.

Слова любви друг другу не говорили, не принято это было

в их домах. О чувствах и переживаниях не рассуждали, не до этого было. Коля так-то не пил много, как все по праздникам, но если вовремя не отобрать рюмку, мог и напиться. Люба покрикивала на него иногда, и то без злобы, а так, для профилактики, чтоб знал кто в доме хозяин. Хотели, чтоб все было как у людей, чтоб сыты были, чтоб мебель была, чтоб люстра с висюльками, сервант с стеклом и в нем ваза, чашки с блюдами пирамидкой.

Все бы хорошо, но Люба не беременела. У младшей сестры Нюрки вон уже второй ребенок Витюша ножками топает, а у нее нет ребенка. И только через два года, когда уже спали на диване и купили таки ситцевые занавески на окно, наконец то, в 24 года Люба забеременела и родила Танюшку.

Посидела дома, потом отдали ребенка в ясли и сама вернулась на завод.

Жили все там же, ожидали отдельную квартиру. Коля работал, накопил на мечту – мотоцикл Урал с люлькой, встал в очередь на гараж. И только когда Таня пошла в третий класс, им выделили отдельную двухкомнатную квартиру на первом этаже в новом доме.

Соседями оказались те же работники завода, заселялись в дом почти одновременно, с шумом и песнями под окнами. Перевозили нажитый нехитрый скарб, тюки с бельем, трюмо с тумбочками, диваны, самодельные столы...

В новой квартире Коля смастерил антресоли, подклеил обои (не все было идеально в новом доме), сколотил полку с

крючками на входе по требованию жены. Холодильник в четырех метровую кухню не влез, поставили в коридор, впрочем все так и делали.

Люба за время совместной жизни показала себя хозяйкой, стирала на руках и гладила, тщательно мыла посуду, скребла сковородки, до блеска мыла пол. Зашивала и штопала одежду в случае необходимости, не ленилась, не жаловалась.

Раздавали на работе дачные участки, Люба настояла, тоже взяли для огорода. Ездили на мотоцикле, сажали, пололи, собирали урожай. На зиму закатывали соленья и компоты, делали варенье и квасили капусту в бочке.

Таня подросла, помогать стала, но без усердия. Мать заставляла ее мыть пол руками с 6 лет, приговаривая, что у тех, кто плохо моет пол будет косой жених. Таня не хотела иметь косого жениха и скребла деревянные доски, вытирая слезы. Училась она рядом с домом в школе, прилежанием не отличалась, но в школу к директору родителей не вызывали. Люба про случай с самоваром «Петушком», про ее выступление на родительском собрании забыла как досадное недоразумение, и вспомнила, когда Алеша заканчивал школу. Вернее, неожиданно всплыла забытая картина, когда она сидела на собрании у сына и начали собирать деньги на подарок учителю.

Воспитанием Таньки Головановы себя не утруждали, за чем.

– В школе пусть воспитывают, зря им деньги платят что

ли, – говорила Люба соседям, – пусть учат как жить, нас то вон никто не учил, сами вышли в люди.

Танюшку никогда не прижимали к сердцу, не целовали, но и пальцем не трогали. Лишь однажды мать звонко наотмашь шлепнула дочь кухонным полотенцем, когда звала мужа: «Ко-о-оль, а Коль...» А Танька, услышав, хихикнула и рассказала анекдот: «Ведущая Ангелина Вовк обращается к Гельмут Колю: Коль, а Коль? А он ей в ответ: чего тебе, Вовк». То ли матери стало обидно за нашу ведущую «Спокойной ночи малыши» Ангелину Вовк, то ли не поняла кто такой Гельмут Коль, но Таня больше так не шутила.

Глава 6. НОВОСТЬ

Прожили в новой квартире три года, спали в отдельной комнате, потихоньку меблировались, скопили на радиолу, купили люстру «с висюльками» (пусть не хрусталь, а пластик, но издалека не видно, да и красивая!).

Танька вон вымахала за лето, догнала ростом отца, да и выглядит так, хоть замуж выдавай. И вот на очередном медосмотре на заводе новость прозвучала как гром среди ясного неба. У кого срок то поменьше был, те сразу в больнице и приняли решение и остались на пару часов, до избавления от проблемы.

А Любе то поздно было, срок от уже 18 недель был. Не приучена была следить за циклом, упустила все сроки.

– Ой, и че мне все, рожать теперь? Я и не думала, не хотела

я, кто ж рождает то в 37 лет, – бубнила она в кабинете врача.

– А ничего уже нельзя сделать? Куда мне, дочка есть у меня. Не хочу я еще никого.

Да и случилось это у них с Колей тогда, когда Танюшка в лагере была, а их пригласили на день рождения Толи. Стол богатый собрала Нюра, «селедка под шубой» (как же без нее), салат «Оливье», сама торт испекла «Медовик», она с детства любила всякие рецепты собирать и в тетрадку записывать. И друг Толяна тогда на баяне играл, песни пели народные душераздирающие, муж почти не пил и хорошо время провели. Ну и закончился вечерок душевнее обычного...

После медосмотра вечером поставила перед фактом Колю, тот ладонью кончик носа потрогал:

– А че, пацанчика можно, помощник мне будет, – только и сказал.

– А вдруг опять девка, будет такая же дылда, – мать заплакала, уткнувшись в промасленный фартук.

Таня слышала, но встречать в разговор не захотела. Что ее называли «дылдой» было хоть и обидно, но привычно. Ласки она не знала, с матерью, а тем более с отцом, никогда не откровенничала, не разговаривала по душам. Даже про испачканную простыню в лагере не рассказывала матери. Сейчас же подумала, что шутят родители так, по глупому. Все само собой разрешится. Да и вникать не хотелось, тут другие проблемы, тут Машка влюбилась, начала «ходить» с мальчиком из 8 класса.

Глава 7. МАШКА

Они два раза сходили с ним в видеосалон, посмотрели еще раз фильм ужасов и боевик. Ну целовались конечно, как же без этого. Потом он после школы к себе домой позвал, а там завалил ее, целовал в шею и грудь, трусы стянул, но остановила его внезапно вернувшаяся домой бабка. Так-то приятно было и прикольно, но и страшно, что потом будет...

Машка, если бы не глаз, красивая так то, высокая, стройная, волосы длинные, загляденье. Глаз приучилась прикрывать, чтоб не так заметно было косоглазие. Да и мамина одежда стала почти как раз, сидит даже лучше.

Мальчик этот, Женя, жил в доме барачного типа с матерью, сестрой и бабкой. Отец сидел давно в тюрьме, его и не помнил никто. Женек даже гордился этим, имел авторитет в школе, статус хулигана. Педсостав школы утешался фактом скорого завершения Женьком школы и продолжением обучения в ПТУ. Женька срывал уроки, хамил учителям, курил за школой, сплевывая по взрослому, умел сидеть как заключенный на этапе и провожал жадным взглядом девчонок.

Машке его приставания понравились и она решила позвать его к себе, как раз мать уехала на пару дней. Там то и все случилось, никто не помешал и не спугнул. На другой день Машка светилась как луна, глаз горел, не терпелось поделиться с подругой. Женя потом приходил еще пару раз, даже однажды принес бутылку вина.

Машка влюбилась окончательно и настроилась на вечное счастье. Но вдруг Женек был замечен с девчонкой из 7-го класса в обнимку в видеосалоне. Необходимо срочно принимать меры, и Машка, набравшись смелости, сама подошла к нему за школой и позвала домой вечером. Мать к тому времени, оставив работу в больнице, переквалифицировалась в проводниц поездов дальнего следования. Ее частое отсутствие дома было на руку Маше, которая к тринадцати годам сама варила себе суп, жарила котлеты и яичницу на утро. Да и дома стало спокойнее как-то.

Женек пришел, и не один, с другом и парой бутылок портвейна. Позвали и Таньку, для компании. Через час все размлели от вина, и Машка в обнимку с Женьком ушли в комнату. Друг Женьки, назвавшись «Седым», не имел с кличкой ничего общего, так, прыщавый подросток, завалил Таню на том же диване, чуть не опрокинув стол с остатками сыра и колбасы на тарелке и пустыми бутылками от вина... Таньке было не страшно, алкоголь расслабил тело и замутил разум. Новые ощущения нравились, было приятно и интересно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.